

К 200-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

УДК 930(470.311-21) "1812"

Белов А.В.

Институт российской истории РАН (г. Москва)

ГОРОДА СОВРЕМЕННОГО ПОДМОСКОВЬЯ В 1812 Г.: ИСТОРИЯ И ИСТОРИОГРАФИЯ

A. Belov

*Institute of the Russian history
of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

THE CITIES OF MODERN MOSCOW AREA IN 1812: HISTORY AND HISTORIOGRAPHY

Аннотация. Работа посвящена событиям Отечественной войны 1812 г. на территории Московской губернии. В ходе исследования анализируется влияние военных действий на состояние и дальнейшую судьбу городских поселений края и их жителей. Автор стремится отойти от привычного воспевания «12-го года» только как военного подвига обеих противостоящих сторон и пытается на основании конкретного исторического материала проанализировать события войны как бедствие для мирных жителей, имевшее разрушительное значение как в период кампании, так и по ее завершении.

Особое внимание обращено на особенности и традиции раскрытия данной темы в историографии. А также на эволюцию взглядов на проблему «город и война», которая происходит в последнее время.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., региональная история, краеведение, история Подмосковья, русский город, историческое регионоведение.

Abstract. The work is devoted to the events of the Patriotic War of 1812 on the territory of Moscow Province. The researcher analyzes the way the hostilities influenced the condition and further destiny of the city settlements and their inhabitants in Moscow region. The author tries not to follow the habit of praising the 12th year only as a military exploit of the warring parties. On the basis of a concrete historical data the author makes an attempt to analyze the war events as disastrous for the civilian residents and notes their destructive effect not only during the military campaign but even after it.

Special attention is given to the peculiarities and traditions of describing this problem in historiography. Besides, the article stresses the recent evolution of views on the problem of "city and war".

Key words: the Patriotic War of 1812; regional history; studies of local history, geography and culture; the history of Moscow Region; a Russian city; historical region studying.

Празднование двухвекового юбилея Отечественной войны начала XIX в. неизбежно и вполне справедливо воскресит многие моменты воинской славы страны-победителя и ее противника. Мало найдется в мировой истории событий, равных по накалу борьбы и проявлению доблести армии и народа. Даже противники России признавали и признают неданную доблесть русских солдат и офицеров. Подвиги той без преувеличения Великой войны

до сих пор вызывают чувства гордости. Но не стоит останавливаться только на ней. Нельзя забывать, что помимо политических итогов военные годы привнесли в Россию (и не в последнюю очередь на земли современного Подмосковья) страшные бедствия.

Не будет преувеличением сказать, что никто из рядовых жителей (включая именитое дворянство) центральной России, узнав о начале наполеоновского нашествия, даже предположить не мог, что армия противника достигнет древней русской столицы, обратив ее своим появлением в прах и пепел. Приказ о подготовке органов власти к возможной (только возможной) эвакуации поступил от Ф.А. Ростопчина лишь 18 августа [1, с. 69]. Настроение москвичей было разным [14, с. 65], но, по сообщению очевидца, даже накануне Бородинского сражения атмосфера в городе не напоминала о панике («нашел, что московские жители не теряли свойственного россиянам духа» [5, с. 10]).

Итоги 1812 г. для Москвы плачевны и относительно хорошо известны.

План военного генерал-губернатора (главнокомандующего) Ф.А. Ростопчина, направленный на подготовку поджога Москвы¹, в действительности не был реализован в полном объеме. Причин пожара, уничтожившего огромный город, было значительно больше. Так, уже 3 сентября (т. е. на второй день после вступления армии Наполеона в Москву) французские солдаты целенаправленно обстреляли Вдовий Кудринский дом «горючими веществами». Предпринятая ими акция была тем ужасна, что в его помещениях лежало более 3000 раненных при Бородино русских солдат, многие из которых не имели даже малейшей возможности покинуть горящее здание. Несмотря на просьбы и мольбы зрителя Мирицкого прекратить варварство, французы не остановились. Те из раненных, кому удалось выбраться, попрятались в окрестных руинах. Лишенные такой возможности ожидали уготованной им страшной развязки. По свидетельству очевидца, внутри

¹ Российской государственной военно-исторической архив. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3648.

дома стояла тишина, обреченные «тихо отправляли в церкви службу; все исповедались и причащались готовясь на смерть». Всего заживо сторело более 700 человек [2, с. 155].

На протяжении почти всего периода оккупации солдаты и офицеры Великой армии поголовно занимались грабежом, который в несколько дней приобрел невиданный размах. Начальник штаба польской кавалерийской дивизии Дунин-Стжижевский писал к родным в Варшаву, с каким рвением он «обрыскал по улицам, чтобы найти какие-либо вещи, но они закончились» [11, с. 133-134]. Боевой генерал Ж.-Д. Компан, бесстрашно отбивший Шевардинский редут и раненный во время первого штурма Багратионовых флешей, подробно отчитывался перед женой в письме, сколько шкур, шуб и какого качества он успел найти и «приобрести» [11, с. 134]. Масштаб, активность и поголовное участие, не смотря на звания, в разграблении города, напоминали сумасшествие. Никакие меры для установления хоть какого-то элементарного порядка и дисциплины в войсках ничего не давали. Борьба за добычу утихла только к концу сентября [12, с. 204], т. е. длилась без малого месяц.

Предвидя необходимость оставления негостеприимной русской «столицы», солдаты и офицеры Великой армии начали целенаправленное уничтожение города. Очевидец этих событий А.А. Карфачевский писал: «Нельзя описать всех ужасов, произведенных в Москве французами.. Я от пожара пошел на пожар, и наконец, добрался до почтамта и живу в нем. Но 10-го октября пришел французский караул с повелением зажечь почтамт. Я накормил и напоил сих голодных пришлецов и заплатил с помощью наших собратий 205 рублей, за что остались несожженными, и тем спас до 60-ти семейств...» [2, с. 165].

7 октября Наполеон во главе армии отправился к Малоярославцу. В Москве был оставлен маршал Морье для выполнения личного распоряжения императора: «предать огню... дворцы Кремля...». Для закладки зарядов французы согнали остававшихся в городе жителей, которые три дня рыли траншеи. От-

казавшихся делать подкопы под кремлевские стены и здания жестоко избивали [15, с. 669].

Через три дня по оставлении Москвы император Франции в своем 26-м бюллетене с гордостью оповестил мир о том, что московский Кремль, «столь же древний, как сама монархия», полностью уничтожен [12, с. 199-218].

Трагедия Москвы и ее жителей была ужасна, но и она не исчерпывала всех потерь Подмосковного края от рук оккупационной армии. Не меньший, а иногда и больший личный урон понесли жители уездных городов края.

Страшному, практически абсолютному разорению подверглись поселения, лежавшие в западной части губернии, через которую прошел путь всей (или значительной части) французской армии: Можайск, Руза, Звенигород и Верей.

Наиболее тяжелая судьба выпала на долю жителей Можайска, к которому армия Наполеона вышла сразу же после Бородинского сражения, следуя в сторону Москвы, за уходящей от нее армией Кутузова. Жители, забрав или уничтожив свое имущество, покинули город. Проходя по его улицам, отступавшие русские войска увидели Можайск абсолютно опустевшим. Участник этих событий П.А. Вяземский вспоминал, что «дома были разорены, выбиты и вынесены окна и двери» [10, с. 548].

Прикрывая отход, Кутузов оставил в городе арьергард, упорно отражавший атаки конницы Мюрата и удерживавший Можайск около 16 часов. Недовольный внезапно возникшей задержкой продвижения своей армии к Москве, Наполеон был вынужден встать на ночлег в близлежащем селе Успенском. Только в ночь на 28 августа (9 сентября) защитники по собственной воле оставили город. Уходя, они сожгли провиантские склады с военным имуществом. Только утром в Можайск вошла дивизия Фриана [3, с. 131, 360]. Некогда богатый, пользующийся вниманием многочисленных паломников, прибывавших для поклонения особо почитаемого культа Николы (Никола Можайский) [9, с. 5], город был практически полностью стерт с лица зем-

ли. Можайск, как до этого Смоленск, а вскоре и Москва, горел. В огне погибла значительная часть из почти 10-и тысяч оставшихся в нем раненых русских воинов.

Французы использовали Можайск в качестве крупной перевалочной базы, устроив в уцелевших каменных зданиях церкви конюшни и лазареты. По-видимому, можайский лазарет был главным тыловым госпиталем французской армии в России, т. к. в преддверии ухода из Москвы сюда стали активно перевозить раненых [5, с. 665].

Для защиты города император оставил в Можайске крупный гарнизон, состоящий из вестфальцев. Ввиду особых разрушений армейские команды расположились в близлежащем Лужецком монастыре, приспособленном для обороны. С этой целью в старых укреплениях немецкими солдатами было проделано более двух сотен бойниц. Некоторые из них можно увидеть и сегодня.

Вторично город был разорен при отступлении армии французов. Потеряв возможность прорыва на юг, император вновь провел свои войска через Можайск для выхода к Старой Смоленской дороге. Город был запружен многочисленными повозками, набитыми награбленным добром. Текущая по его улицам на Запад Великая армия напоминала скорее отряды мародеров. Отступая, французы разрушили и подожгли все, что еще оставалось.

Существенный урон также был нанесен Рузе и Звенигороду, на которые пришелся удар всех сил 4-го корпуса (итальянского, принца Евгения Богарне). В его задачи входил обход армии Кутузова, стоящей вблизи Больших Вязем, выдвижение к Москве и, по возможности, захват города, до подхода к нему сил русской армии.

Отступавшие через Можайск русские войска не входили в Рузу, лежавшую южнее путей их отступления. В результате в городе не были уничтожены ни крупные государственные здания, ни военные и торговые склады. Как только французский корпус вошел в Рузу, начался массовый грабеж всего, что можно было отыскать как в казенных, так и в частных домах.

Офицер корпуса Богарне Е. Любом оставил воспоминания о событиях этого дня. Они интересны еще и тем, что дают наглядное представление о типичном поведении офицеров и солдат армии Наполеона в России: «Наконец, мы вступили в Рузу, и вплоть до середины площади видели только толпу грабивших дома солдат; они не слушали ни криков хозяев, ни слез матери, которая, чтобы тронуть победителей, указывала на своих стоявших на коленях детей; сложив руки, обливаясь слезами, эти невинные создания умоляли только, чтобы их оставили живыми. Эта горячность грабежа у некоторых вполне оправдывается тем, что, умирая от голода, они стремились только найти пищу; но многие другие под тем же предлогом грабили и тащили все вплоть до платья с женщин и детей.

Как только слух о том, что мы взяли Рузу, дошел до окрестных крестьян, и они узнали, как безжалостно мы расправились с тамошними жителями, так тотчас же все население лежавших нам по пути в Москву деревень обратилось в бегство... Многие, бежавшие в последнем порыве отчаяния, сжигали свои дома, усадьбы, хлеб и новый урожай и только что снятый с лугов сенокос... И дома и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизия расхищена; все это представляло полную картину разрушения, которая ясно доказывала нам, на какие крайности способен народ, достаточно великий, чтобы предпочесть полное разорение потере независимости...» [5, с. 227-229].

При приближении оккупантов небольшая группа людей, вооруженных, по-видимому, только бесполезными пиками, безрезультатно попыталась оказать сопротивление [5, с. 228]. Значительная масса горожан спешно покинула свои дома, пытаясь уйти к Москве по Волоколамской дороге, но была настигнута итальянкой кавалерией и возвращена назад в уже практически полностью разграбленный город.

Нападение французского корпуса на Рузу, еще недавно расположенную в глубине русской армии, было внезапным. Свидетельством этого является рассказ финансового чиновника Ф. Корбелецкого, который накануне

выехал из Москвы в Калугу с полной уверенностью в безопасности своего пути после Бородинского боя, и оказался в плену французского авангарда недалеко от Рузы [4, с. 11-12]. Жители города, так же, как и он, оказавшись застигнутыми врасплох, не успели, в отличие от граждан других поселений, спрятать или вывезти хоть какие-то ценности. В результате к концу 1812 г. большая часть рузжан были полностью разорена. Сам город в 1813 г., по свидетельству очевидца, представлял собой одни обгорелые руины.

Узнав о планах противника выйти к Москве через Рузу и Звенигород, русский главнокомандующий послал против Богарне отряд генерал-майора Ф.Ф. Винценгероде. Подойдя к Звенигороду, уже занятому противником [16, с. 50], русские дали бой поблизости возле Саввинской слободы. В течение примерно шести часов их отряд силами около трех тысяч человек атаковал и сдерживал более двадцати тысяч солдат противника. В результате планы Наполеона оказались сорваны: армия Кутузова отошла от Больших Вязем к деревне Мамоново, движение 4-го корпуса на Москву оказалось невозможным. Возмущенный император выражал свое недовольство действиями Богарне и требовал, чтобы его части наконец-то завершили захват Звенигорода и затем приступили не к скорейшему покорению Москвы, а к выходу к армии Кутузова для угрозы ее левому флангу.

Особая судьба выпала на долю Вереи, которая стала важной перевалочной базой в тылу французской армии. Находясь между двумя дорогами (Калужской и Смоленской), силы местного гарнизона могли контролировать практически весь юго-запад современного Подмосковья, а также коммуникации, связывающие Москву с Парижем. Благодаря этому Верея – богатый, но небольшой (даже по нормам того времени) городок, стала местом проведения крупнейшей и одной из наиболее успешных операций российских армейских партизан, возглавляемых генералом И.С. Дороховым.

26 сентября 1812 г. Дорохов получил приказ Кутузова выйти «через Боровск к Верее»,

которую, по сообщению разведки, французы и их союзники усиленно укрепляли. Отряд подошел к городу 28 сентября. Штурмовать небольшой, но хорошо приспособленный к обороне населенный пункт, защищаемый мощным гарнизоном, было бессмысленно. Кроме того, в случае обнаружения партизанами своих намерений, французы имели возможность незамедлительно стянуть к Верее весьма значительные силы. Для успеха операции Дорохову требовались внезапность и стремительность. Генерал обратился за помощью к местным жителям, которые перед самым рассветом скрытно вывели русские отряды к укреплениям. Застигнутый врасплох противник, несмотря на отчаянную оборону и яростную контратаку, был разгромлен. Потери нападавших составили всего три десятка человек против более чем трехсот у оборонявшихся.

Впоследствии, отступая от Малоярославца к Можайску, вся французская армия прошла через Верею, подвергнув город повторному разорению.

Большой урон был причинен городам, оказавшимся в стороне от активных военных действий (Волоколамск, Бронницы, Богородск, Дмитров, Подольск), а также лежащим к востоку от них, на неразоренных землях края. Их жители (многие из которых недавно стали горожанами и не окрепли в новом качестве [7, с. 26-29]) несли значительные убытки, оказавшись на долгое время лишеными доходов от своих промыслов (Серпухов, Коломна, Клин, Сергиев Посад, Воскресенск). Однако, несмотря на материальные потери, населения края не шли на сотрудничество с оккупационными властями, что могло принести тем заметную выгоду. Интендант Москвы Ж.-Б.-В. Лессепс писал из города: «У меня нет хлеба, ни муки, а о курицах и бараках и поминать нечего» [8, с. 70].

Ущерб от военных действий для мирного населения Московской губернии был такой силы, что по завершению войны, дабы способствовать возрождению края, правительство издало указ об освобождении от повинностей (в частности, рекрутской) сроком на

год для всех мещан разоренных городов. Однако, несмотря на принятые меры, своего бывшего положения не смогла уже восстановить богатейшая некогда Верея. Ее купцы сохранили лишь некоторое положение в посреднической торговле. То же относилось к Можайску, Волоколамску и Бронницам.

В итоге потерь и разорений конца лета, осени и зимы 1812 г. все западные города Московской губернии так и остались незначительными уездными центрами со слабо развитым хозяйством. Напротив, ускоренными темпами росла промышленность (в первую очередь ткацкая) на не затронутых войной территориях восточного Подмосковья (город Богородск) и в соседних губерниях Волго-Окского междуречья (город Владимир, село Иваново и т. д.), где существовала необходимая для этого база [14, с. 18-24].

В итоге, несмотря на восстановление, число предприятий Московской губернии, производящих сукно, сократилось более чем в 5 раз, станов – в 13, а рабочих – в 8 раз. Нашествие привело также к смене основного собственника мануфактур: дворянина окончательно потеснил купец. Доля «благородных» среди заводчиков стала составлять чуть более 10% [14, с. 18-24].

Свою страницу в историю Отечественной войны вписали поселения, которые стали городами значительно позже. Так, например, важнейшее сообщение об оставлении Наполеоном Москвы и следовании его армии к Тарутино отправил легендарный армейский партизан А.Н. Сеславин. Эта информация дала возможность отразить силы противника от Малоярославца и повернуть его на разоренную Старую Смоленскую дорогу. Офицер-партизан обнаружил выдвижение войск при их пересечении подмосковного села Фоминского. Мало кому известно, что это рядовое, лежащее на реке Наре поселение стало впоследствии городом Наро-Фоминском. Свои эпизоды войны 1812 г. есть в истории Химок, Павловского Посада и др. населенных мест края.

Таким образом, в 1812 г. современное Подмосковье, находившееся в фокусе стратегических планов Наполеона, оказалось в самом

центре военных действий. Нет ни случайности, ни надменной глупости в намерении гениального императора Франции следовать к Москве как узловому пункту Центральной России. Благодаря этому положению территория современной Московской области заняла в череде событий 1812 г. важнейшее (если не самое важное) место. От умения воинов, патриотизма жителей и провидческого таланта полководцев, на ее территории решался итог всей войны (а вместе с ней и пути дальнейшего развития судеб стран Европы), результаты которых с самого начала не были заданы в пользу России, как это кажется спустя много лет.

Итоги 1812 г. оказали влияние на жизнь жителей, привели к формированию нового положения дел в развитии хозяйства как Московской губернии, так и всей Центральной России.

Однако, несмотря все вышесказанное, влияние 1812 г. на жизнь городов современного Подмосковья, по сути, оказалось в стороне от внимания историков. Обзор судеб того или иного населенного пункта осуществляется в рамках общепринятого героико-эпического описания военных действий. Город при этом выступает чаще всего лишь как географическое указание на место действия армии. Его собственная история оказывается как бы не важна на более значимом для исследователей батальном фоне. Даже если поселение оказывается в самом эпицентре событий, военные действия как бы затмевают его собственную историю. Типичным примером данного подхода является обозрение истории Вереи времен 1812 г., на территории которой произошла одна из самых масштабных партизанских операций русской армии. Она-то и является темой исследования. Судьба же этого некогда богатого и значимого торгового и аграрного центра региона, угасшего в результате именно французского разорения, остается незамеченной.

Несколько большее внимание к судьбе собственно города уделили авторы очерков коллективной монографии «Города Подмосковья». Но и в этой работе даже тем поселени-

ям, которые приняли весьма заметное участие в событиях 1812 г., уделяется 1-2 абзаца [10, с. 549, 590-591]. О влиянии событий войны на дальнейшую судьбу поселения и его жителей речи практически не ведется. Максимум внимания к этой теме – разгром Рузы, которому уделено 1 предложение [10, с. 618].

Одна (но не единственная) из причин такого положения дел заключается в том, что интерес исследователей привлекает к себе Москва. Но этот город занимает совершенно особое место в истории Отечественной войны и рассматривается неизменно отдельно от других поселений. Но даже в этом случае урон, причиненный «первопрестольной» столице, также затмевается более важными (с точки зрения сложившейся историографической традиции) аспектами. В первую историю «великого пожара», его причинами и фактологическим героико-эпическим контекстом [11; 12; 13].

В последнее время происходит отход от устоявшейся историографической традиции в описания судеб провинциальных городов. Примером этого может стать, вышедшая в 2002 г., книга «1812 год в Подмосковье» [16]. Однако необходимо отметить, что данное издание является альбомом и носит не столько научно-аналитический, сколько научно-просветительский характер. Таким образом, и его появление не дает полных оснований говорить о том, что внимание к нуждам и бедствиям мирных «городовых обывателей» Московской губернии заняло заметное место в трудах современных исследователей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

Источники:

1. Бестужев-Рюмин А.Д. Краткое описание происшествия в столице Москве в 1812 году. – М., 1859.
2. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. 5. – М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1900. – 281 с.
3. Коленкур Арман, де. Поход Наполеона в Россию. – Смоленск, «Смядынь», 1991. – 368 с.

4. Корбелецкий Ф. Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании в оной. Описание с 31 августа по 27 сентября 1812 года Ф. Корбелецким с присовокуплением собственного его странствования. – СПб.: В типографии Департамента внешней торговли, 1813.
5. Лобом Е. Путь в Москву // Наполеон в России в воспоминаниях иностранцев. В 2 кн. Кн. 1. – М.: Захаров, 2004. – 1072 с.
6. Лажечников И.И. Походные записки русского офицера. – М.: Типография Н. Степанова, 1836. – 286 с.
7. Белов А.В. Административная реформа Екатерины II и особенности формирования городской сети «новой» («малой») Московской губернии // История и культура Подмосковья: проблемы изучения и преподавания. Материалы IV областной научно-практической конференции. – Коломна: Коломенский гос. обл. соц.-гуманитарный ин-т, 2010. – С. 26-29.
8. Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 года. – М.: Госполитиздат, 1954. – 103 с.
9. Глебов В.В. Сражение при Выхино. – М., 1994. – 54 с.
10. Города Подмосковья. Кн. 3. – М.: Московский рабочий, 1981. – С. 736.
11. Земцов В.Н. 1812 год. Пожар Москвы. – М.: Книга, 2012. – С. 138.
12. Земцов В.Н. Наполеон в Москве // Французский ежегодник 2006. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2006. – С. 199-218.
13. Москва в 1812 году (исторический очерк). – М., 1813. – 86 с.
14. Рыбаков Ю.Я. Отечественная война 1812 года и текстильная промышленность Московской и Владимирской губерний // Труды Московского историко-архивного института. Т. 21. – М., 1965. – С. 18-24.
15. Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию // Собрание сочинений. Т. 7. – М.: Издательство Академии наук СССР. – С. 435-738.
16. 1812 год в Подмосковье – Альбом. – М.: «МОК-Центр», 2002. – 80 с.

Литература: